

СУБЪЕКТНОСТЬ И ОБЪЕКТНОСТЬ АЗИИ В МИРОВЫХ ПРОЦЕССАХ ПРОИЗВОДСТВА НОВОГО ЗНАНИЯ

Екатерина Валерьевна Колдунова

*МГИМО МИД России,
г. Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 25 января 2016 г. <i>Принята к печати:</i> 10 мая 2016 г.</p>	<p>Аннотация: Несмотря на рост объектности стран Азии в мировых экономических и политических процессах в начале XXI века они во многом продолжали оставаться субъектами мировых процессов производства как технического, так и гуманитарного знания. Однако увеличение экономического благосостояния и задачи дальнейшего экономического развития сподвигли ряд азиатских стран к тому, чтобы попытаться преодолеть этот разрыв. В представленной статье в сравнительном плане рассмотрено три направления, по которым предпринимаются попытки преодолеть отмеченный разрыв. К первому направлению относится формирование собственного азиатского дискурса об Азии, то есть комплексные исследования Азии, осуществляемые азиатскими учеными с учетом специфики национальных исследовательских школ. Второе направление представляет собой попытки преодолеть западноцентризм в производстве гуманитарного знания через дискуссию о возможности появления незападной теории международных отношений. Третье направление связано с формированием азиатских фабрик мысли и ростом азиатских университетов, которые активно интернационализируются, перенимают международный опыт и становятся элементами развития высокотехнологической сферы в целом ряде стран Азии.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ: 15-03-00438</i></p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент Кафедры востоковедения, заместитель декана Факультета политологии, ведущий эксперт Центра АСЕАН МГИМО МИД России e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: наука; подъем Азии; университеты; фабрики мысли; исследовательские университеты; Азиатские ценности.</p>	

В течение последнего десятилетия основное внимание многих исследователей международных отношений было сосредоточено на рассмотрении вопроса о том, каким образом экономический подъем Азии повлияет на сложившийся после завершения биполярного противостояния мировой порядок и мировую экономическую систему. Основанием для этого стали серьезные экономические изменения, обозначенные некоторыми экспертами как наступление «века Азии». Действительно, начиная с 1980-х гг. и до настоящего времени доля Азии в мировой экономической активности выросла с 20% до 32%, в то время как доля Европы

снизилась прямо пропорционально росту доли Азии¹. В указанный период резкий экономический рост продемонстрировали сначала Япония, затем новые индустриальные страны первой и второй волны, Китай и Индия.

В 2011 г. Азиатский банк развития подготовил доклад², в котором было обозначено два обобщенных сценария экономического

¹ Why Asia is the New Europe // *The Washington Post*, October 5, 2015. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2015/10/05/why-asia-is-the-new-europe/>

² Asia 2050: Realizing the Asian Century. Manila: Asian Development Bank, 2011.

развития Азии³: позитивный, предполагающий наступление «века Азии», увеличение доли Азии в мировом валовом продукте до 51% к 2050 г. и, таким образом, восстановление Азией позиций, которые она занимала в мировой экономике до индустриальной революции, и менее оптимистический, постулирующий попадание Азии в ловушку среднего уровня развития. Этим термином в конце первого десятилетия XXI века экономисты стали обозначать достижение рядом развивающихся стран показателей ВВП на душу населения в диапазоне от 10 до 12 тысяч долларов и неспособность преодолеть этот уровень из-за структурных факторов, связанных с недостаточным технологическим развитием.

Несмотря на то, что доклад Азиатского банка развития рассматривал целый ряд вызовов, которые могут сделать дальнейший экономический рост Азии безусловным, видимые экономические сдвиги в этой части земного шара и в особенности экономический подъем Китая, страны с более чем миллиардным населением, привели к тому, что Азия, в особенности Тихоокеанская, стала рассматриваться в качестве все более значимого игрока в мировых экономических делах. Одновременно экономический подъем Китая спровоцировал активную дискуссию о том, каким в дальнейшем может быть поведение экономически укрепившегося Китая на мировой арене: станет ли он ревизионистским государством, стремящимся к пересмотру сложившегося мирового порядка, или он будет придерживаться *status quo* в международных делах, постепенно наращивая свои экономические и, возможно, политические позиции в первую очередь на региональном уровне? Безусловна ли тенденция экономического подъема Китая либо же его ожидает неизбежное замедление темпов роста, как это три десятилетия назад произошло с Японией, первой страной

продемонстрировавшей успехи «восточноазиатского экономического чуда»?⁴

Экономический рост в Китае, Азии и в незападном мире в целом сопровождался также появлением новых структур глобального управления, нацеленных на то, чтобы в большей степени нежели раньше учитывать интересы растущих держав. От практики создания коалиций развивающихся стран, которые пытались оказывать влияние на развитые государства в рамках ООН, Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда и Всемирного банка под влиянием трансформации структуры мировой экономики, экономических кризисов 1997–1998 и 2008–2009 гг. был сделан шаг к более тесному инкорпорированию растущих азиатских экономик в механизмы глобального управления⁵. В 1999 г. была создана «Группа двадцати», куда, помимо Японии, участницы «Большой семерки», вошли такие азиатские государства как Индия, Индонезия, Китай и Южная Корея. Эти процессы также стали

⁴ Отдельные положения этой дискуссии отражены, например, в следующих работах: Киссинджер Г. О Китае. – М.: Астрель, 2013 [Kissinger, Henry. O Kitae (On China). Moscow: Astrel, 2013]; Kang, David. China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia. NY: Columbia University Press, 2007; Shambaugh, David. China Goes Global: The Partial Power. NY: Oxford University Press, 2013; Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia / Eager Eyes Fixed on Eurasia: Russia and Its Eastern Edge. Ed. by A. Iwashita. 16-2, Sapporo: Slavic Research Center. Pp. 35-46; Карпов М.В. Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. – М.; СПб: Нестор-История, 2014 [Karpov M.V. Zamknutyi krug «kitaiskogo chuda». Rynochnye preobrazovaniia i problema reformiruemosti partiinogo gosudarstva leninskogo tipa v Kitaiskoi Narodnoi Respublike (Vicious Circle of Chinese Miracle: Market Transformations and the Problem of Transforming Lenin-Style Party System in PRC). Moscow; St.Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014].

⁵ Практика зарубежного регионоведения. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. – С. 466-470 [Praktika zarubezhnogo regionovedeniia (Practice of World Regional Studies). Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015. Pp. 466-470].

³ В докладе Азиатского банка развития использовалось понимание Азии как пространства, включающего три субрегиона: Восточную Азию (включая КНДР), Южную Азию и Центральную Азию (включая Иран). [Ibid, P. 2]

основой для новой волны исследований, посвященных структурным сдвигам в процессах глобального управления⁶.

Однако при всем внимании к мировым экономическим и политическим трансформациям, происходящим под влиянием роста азиатских стран, вторичным для исследовательского поля науки о международных отношениях оставалось противоречие, заключающееся в том, что при изменении экономической и отчасти политической роли Азии в мировой системе, научно-технологическое и гуманитарное измерение производства нового знания все также оставались по своей сути западнцентричными. Более того, экономический рост многих азиатских стран (в первую очередь Японии, но затем также новых индустриальных стран первой и второй волн и Китая) стал возможен именно благодаря использованию западного научно-технологического опыта и в результате создания производственных цепочек на базе нескольких стран Восточной Азии транснациональными корпорациями⁷. Исследования в области международных отношений в странах Азии также в основном опирались на западные теории международных отношений.

В результате, несмотря на рост объективности стран Азии в мировых экономических и политических процессах в начале XXI века они во многом продолжали оставаться субъектами мировых процессов производства как технического, так и гуманитарного знания. Тем не менее, увеличение экономического благосостояния и задачи дальнейшего экономического развития сподвигли ряд азиатских стран к тому, чтобы попытаться преодолеть этот разрыв.

В представленной статье в сравнительном плане рассмотрено три направления, по которым предпринимаются попытки преодолеть отмеченный разрыв. К первому направлению относится формирование собственного азиатского дискурса об Азии, то есть комплексные исследования Азии, осуществляемые азиатскими учеными с учетом специфики национальных исследовательских школ. Второе направление представляет собой попытки преодолеть западнцентризм в производстве гуманитарного знания через дискуссию о возможности появления незападной теории международных отношений. Третье направление связано с формированием азиатских фабрик мысли и ростом азиатских университетов, которые активно интернационализируются, перенимают международный опыт и становятся элементами развития высокотехнологической сферы в целом ряде стран Азии.

Формирование азиатского дискурса об Азии

На протяжении нескольких веков исследования Азии, или скорее – «востоковедные исследования», «ориентализм» в терминологии известного американского исследователя арабского происхождения Эдварда Вади Саида⁸, изучение Востока/Азии как противоположности Западу/Европе, были в основном европейским делом. В своем исследовании Саид продемонстрировал процесс становления Востока в качестве субъекта не только политических, но и интеллектуальных действий Запада, создавшего, по мнению автора, собирательный образ и идеологический конструкт, объяснявший, в какой-то мере оправдывавший, действия колонизаторов в Азии и более того – искусственно изменявший структуру подвластных колониальным державам обществ, используя научные достижения этих держав⁹. Таким образом, имела место не только политическая, но и интеллектуальная колонизация.

⁸ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: Мирь, 2006 [Said E.V. Orientalism. Zapadnye kontseptsii Vostoka (Orientalism. Western Conceptions of the Orient). St.Petersburg: Mir, 2006].

⁹ Ibid, С. 10-16.

⁶ Hajnal, Peter. The G8 System and the G20: Evolution, Role and Documentation. Aldershot: Ashgate, 2007; Smith G. G7 to G8 to G20: Evolution in Global Governance // *CIGI G20 Papers*, 2011 (May), No.6. Mode of access: <https://www.ciaonet.org/attachments/18458/uploads>

⁷ Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Д. Перратон. – М: Практикс, 2004. – С.309-312 [Held D. Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura (Global Transformations: Politics, Economics, and Culture) / D. Held, D. Goldblatt, E. MacGrew, D. Perraton. Moscow: Praksis, 2004. Pp. 309-312].

Колониальный период действительно оказал существенное влияние на формирование исследований азиатских обществ, равно как и повлек за собой коренную трансформацию самих этих обществ, их социально-политической и экономической структуры. Отдельными примерами и того, и другого могут служить, в частности, аграрные истории колоний, рассматриваемые сквозь призму сельскохозяйственных экспериментов, осуществленных колонизаторами¹⁰, или представления об этничности и расах в Азии, сконструированные европейцами в период колониального господства.

Так, например, статистические измерения и переписи населения, предпринятые в британской Малайе концептуализировали взаимосвязь конкретной территории и этничности (прежде всего – малайской), что впоследствии оказало влияние на политическую консолидацию малайцев, партийную и политическую систему независимой Малайзии. Современный малазийский исследователь Фариш Нур иллюстрирует этот тезис данными переписей населения, проведенными британцами в Британской Малайе в 1871, 1891, 1911 и 1931 гг., где многочисленные местные этнические группы были искусственно объединены в три категории – «малайцев», «китайцев» и «индийцев». Это разделение впоследствии сохранилось и надолго пережило колониальный период, нивелируя существовавшие ранее кросс-этнические и кросс-культурные связи между отдельными группами, входившими в разные новообразованные категории¹¹.

После Второй мировой войны в контексте биполярного противостояния капиталистического и социалистического блоков соединение традиционного востоковедения с социальными науками в целях разработки междисциплинарных подходов к изучению Азии приобрело особое значение для США,

заявивших позицию одной из сверхдержав того периода, и их европейских союзников. Азия стала особо важным фронтом практической и идеологической борьбы с коммунизмом.

Концептуально в результате деколонизации на Западе на смену «ориентализму» пришло «страноведение» (*Area Studies*), в рамках которого и стали развиваться азиатские исследования. А в ряде стран Азии, вступивших в военно-политические альянсы с США, Соединенные Штаты за счет программ финансовой поддержки добились существенной американизации местных академических сообществ. Такая судьба, в частности, постигла Японию, после поражения во Второй мировой войне не имевшей достаточных средств для активного финансирования науки.

С 1950-х гг. за счет поддержки Фонда Рокфеллера и грантовой программы Фулбрайта в Японии стали развиваться целые направления японских исследований (например, в области экономики и других социальных наук), которые помимо научных задач выполняли также еще одну важную функцию. Это была функция развития в Японии научных школ и направлений, которые бы могли теоретически обосновать непривлекательность социалистической экономической модели для японской экономики и тем самым нивелировать возможность интеллектуального дрейфа японских ученых в сторону поддержки коммунизма. С 1950-х по 1970-е гг. на учебу в Соединенные Штаты за счет Фонда Рокфеллера было направлено порядка пятисот специалистов в области естественных наук и более ста исследователей в области социальных и гуманитарных наук¹².

К настоящему моменту западные исследования Азии распались на значительное число подкатегорий (исследования Китая, Японии, Индии, Юго-Восточной Азии, исламских стран и т.д.). Их развитие подкреплено наличием различных образователь-

¹⁰ См., например: Ghosh S. Science and Practice: the Colonial Legacy of 'Improvement' in Indian Agricultural Knowledge. Paper presented for the international conference (IIAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands.

¹¹ Noor, Farish A. What Your Teacher Didn't Tell You: the Annex Lectures. Petalang Jaya: Matahari Books, 2014. P.74.

¹² Karashima, Masato. American Philanthropy and Social Science in Early Cold War Japan. Paper presented for the international conference (IIAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands. P. 9.

ных программ в ведущих американских, европейских, австралийских университетах, академических журналов, профессиональных ассоциаций. В то же время под влиянием факторов, связанных с экономическим ростом азиатских стран, формированием стратегий развития национальных научных систем и вследствие этого более высоким уровнем финансирования науки и исследований в целом ряде азиатских стран, в Азии все более активно стали формироваться собственные азиатские исследования и дискуссии о специфике Азии в мировой политической и экономической системе.

Эти исследования, в частности, были направлены на то, чтобы, основываясь на собственных философских и исторических традициях азиатских стран доказать, что концепт «Азии» представляет собой отнюдь не исключительно продукт западной интеллектуальной деятельности, а раздельные барьеры по культурному признаку (Европа-Азия, Запад-Восток) не могут служить единственным основанием для корректных аналитических объяснений современных политических процессов.

Отстаивая эту точку зрения, известный индийский исследователь и лауреат Нобелевской премии по экономике Амартья Сен, с одной стороны, вступил в полемику с первым премьер-министром Сингапура и автором концепции «Азиатских ценностей» Ли Куан Ю, а, с другой стороны, с теми исследователями и политическими деятелями, которые полагали, что только Западу присущи толерантность и уважение прав человека и политических свобод. В своих работах он подчеркивает упрощенный, схематичный характер таких понятий как «Азиатские ценности», в то время как подлинной чертой Азии и азиатских ценностных систем является как раз разнообразие¹³. Или же, по словам другого индийского автора Ашиша Нанди, особенность Азии заключается в ее способности справляться с внутренним разнообразием, сосуществованием внутри азиатских обществ собственного аутентичного культурного кода и европейского, при-

внесенного туда в результате колониального периода, и выживать за счет этого внутреннего разнообразия. По мнению Нанди, это существенным образом отличает Азию от Запада, который стремится к универсализму через унификацию и, пропагандируя идеи толерантности, на практике отнюдь не готов к ней¹⁴.

Собираемый подход к Азии, тем не менее, стал основой для нескольких интересных попыток интеллектуального переосмысления азиатского дискурса об Азии, представленных, например, в работах тайваньского социолога Чэнь Гуансина, представителя материкового Китая, профессора Университета Цинхуа Ван Хуэя и сингапурского исследователя Кишори Махбубани.

Книга Чэнь Гуансина «Азия как метод» представляет собой пример формирования современного научного дискурса, конструирующего представление об Азии среди самих азиатских исследователей. В своей работе автор подчеркивает, что период колониального господства европейских держав был структурно взаимосвязан с периодом «холодной войны» в том плане, что и тот, и другой создавали условия для закрепления доминирования Запада в вопросах производства нового знания. Сейчас же перед Азией стоит задача преодолеть последствия этих периодов, деколонизировавшись в интеллектуальном плане и переосмыслив свои отношения с Западом, основываясь на собственном историческом, политическом, экономическом и культурном опыте и используя этот опыт в качестве точки отсчета для выстраивания взаимодействия между азиатскими странами¹⁵.

В свою очередь Ван Хуэй говорит о том, что идея «Азии» в том виде, в котором она существует в мировой истории сейчас тесным образом связана с периодом модерна, развитием капитализма и становлением концепта «Европы». Он задается вопросом

¹⁴ Nandy, Ashis. Defining a New Cosmopolitanism: Towards a Dialogue of Asian Civilizations. Mode of access: http://vlal.bol.ucla.edu/multiversity/Nandy/Nandy_cosm.htm

¹⁵ Chen, Kuan-Hsing. Asia as a Method: Towards Deimperialization. Durham and London: Duke University Press, 2010. Pp. 3, 212.

¹³ Sen, Amartya. Universal Truths: Human Rights and the Westernizing Illusion // *Harvard International Review*, 1998, Vol. 20, No. 3, pp. 40-43.

о том, может ли современная Азия создать новую форму регионального устройства, которая была бы отличной от европейской системы государств-наций эпохи раннего модерна и имперских систем нового типа, под которыми исследователь понимает доминирование США, реализующееся через международные финансовые институты, и Европейского союза, представляющего собой модель «империи кооперативного типа»¹⁶. В таком же дискуссионном ключе сформулировано заглавие сборника эссе известного сингапурского интеллектуала Кишори Махбубани «Могут ли азиаты думать?». В нем автор отмечает несостоятельность ожиданий Запада в отношении того, что по мере модернизации азиатских стран, они будут становиться «интеллектуальными клонами» западных обществ. По мнению автора, этого не происходит, однако вопрос о том, могут ли азиатские страны выработать собственные модели развития и достичь уровня интеллектуального осмысления этих моделей, которые бы позволили Азии органично существовать в современном мире, Кишори Махбубани оставляет открытым¹⁷.

Еще одним интересным явлением в отмеченной дискуссии является постепенная институционализация дебатов об Азии, проявляющаяся в появлении специализированных академических журналов, фокусирующихся на внутриазиатском интеллектуальном диалоге по вопросам, связанным с переосмыслением понятия Азии вне рамок западноцентричного исторического и политологического анализа. В частности, речь идет о таком международном журнале как *“Inter-Asia Cultural Studies: Movements”*, одним из главных редакторов которого является Чэнь Гуансин и который выходит с 2000 г.

Подводя итог сказанному, можно отметить два концептуальных взгляда на проблему разрыва между Западом и Востоком в производстве нового знания применительно к Азии. Один из них исходит из логики

центр-периферийной зависимости, которая продолжает воспроизводиться в современных условиях. Из этого следует, что Запад любыми способами постарается не уступить свое интеллектуальное превосходство Незападу, в то время как перспективы Азии подвергнуть осмыслению собственные проблемы развития вне рамок евроцентричного анализа могут оказаться проблематичными. Эта позиция подкрепляется, в частности, тем фактом, что во многих областях социальных наук Запад продолжает оставаться системой координат для азиатских исследователей, продуцируя универсальную теорию, которую они в лучшем случае могут только протестировать на практическом материале либо отвергать по причинам принципиальной невозможности совмещения западных теоретических подходов с местной спецификой¹⁸. Продолжают сохраняться лидирующие позиции западных стран и в области точных наук. Этот тезис может быть проиллюстрирован статистикой нобелевских премий, полученных американскими, европейскими и западными исследователями. С 1901 по 2014 гг. представителями США было получено более 257 премий, Великобритании – 94, Германии – 80, в то время как граждане Японии становились нобелевскими лауреатами 24 раза, Китая – 12, Индии – 8¹⁹.

Противоположная точка зрения говорит о неизбежности конвергенции, в том числе интеллектуальной, вследствие глобализации, поскольку только единый, а не разобщенный мир мог бы справиться с глобальными вызовами²⁰. Действительно, приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что децентрализация мирового «производства знания» отчасти началась и, возможно, достижение баланса западных и незападных исследований остается только вопросом времени. В этом контексте

¹⁸ Так, например, преподавание политологических дисциплин в 2015 г. было запрещено в Узбекистане.

¹⁹ Nobel Laureates and Country of Birth. The Official Web Site of the Nobel Prize. Mode of access: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/lists/countries.html

²⁰ Mahbubani, Kishore. *The Great Convergence: Asia, the West and the Logic of One World*. N.Y.: Public Affairs, 2013. P. 51.

¹⁶ Wang, Hui. *The Politics of Imagining Asia: A Genealogical Analysis // Inter-Asia Cultural Studies*, 2007, Vol.8, No.1, pp.18, 27-28.

¹⁷ Mahbubani, Kishore. *Can Asians think?* Singapore: Marshall Cavendish Editions, 2009. Pp. 22-39.

отдельный интерес представляет дискуссия о возможности формирования незападной теории международных отношений как части более широкого поля социальных наук, которая нашла отражение на страницах книги с соответствующим названием под редакцией известного британского исследователя Барри Бузана и автора индийского происхождения, долгое время работавшего в Сингапуре, а затем в США – Амитава Ачарии.

Перспективы появления незападной теории международных отношений, возможности и пределы интеллектуальных кругов стран Азии повлиять на данный процесс

Проблема западнотензии в теории международных отношений была впервые комплексно обозначена в книге под названием «Незападная теория международных отношений»²¹. Одна из задач исследования заключалась в том, чтобы определить причины, по которым до сих пор не возникло западных теорий международных отношений, объяснить, почему этого не происходит сейчас и наметить направления, по которым появление таких теорий все-таки было бы возможным, учитывая диверсифицированный характер участников международных отношений.

Большинство основных теоретических направлений в науке о международных отношениях, к которым авторы отнесли классический реализм, стратегические исследования, либерализм и неолиберализм, марксизм, английскую школу, конструктивизм и постмодернизм, берут свои истоки в западной философии, политической теории или истории. Кроме того, большинство из этих концептуальных подходов в основном апеллируют к европейскому историческому опыту, точно также как еще несколько десятилетий назад для конструирования объяснений в рамках политической теории считалось достаточным рассмотрение только западных обществ²².

В качестве основных гипотез такого положения дел были предложены следующие тезисы:

1) Западная теория нашла единственно верные объяснения международных процессов. Эта гипотеза сразу же была охарактеризована авторами как спорная, поскольку в отличие от точных наук, гуманитарные науки всегда должны учитывать культурный контекст. При этом, скорее всего, расцвет теории международных отношений на Западе был связан с эффективным обслуживанием внешнеполитических целей.

2) Доминирование западной теории международных отношений можно объяснить длительным периодом империалистического доминирования Запада. В этот период Запад смог эффективно внедрить свои объяснения в умы и политическую практику незападного мира.

3) Незападные теории международных отношений существуют, но они не имеют широкой известности в силу субъективных или объективных препятствий для включения в западный дискурс. К таким причинам можно отнести, например, языковые барьеры.

4) Местные условия не способствуют возникновению теоретических исследований международных отношений (например, не было аналогов таких исторических событий как Вторая мировая война, которые мобилизовали западное общество для теоретического осмысления принципов международного взаимодействия)

5) Западные страны все лишь были пионерами в разработке науки о международных отношениях, и сейчас начинается период догоняющего развития в этом плане для других стран²³.

Интеллектуальные поиски западных теорий международных отношений сейчас происходят по нескольким направлениям. Во-первых, речь идет об обращении к западным исследованиям, которые акцентируют западную специфику и, таким образом,

²¹ Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Ed. by Barry Buzan, Amitav Acharya. Abington: Routledge, 2010.

²² Ikeda, Josuke. The Post-Western Turn in International Theory and the English School //

Ritsumeikan Annual Review of International Studies, 2010, Vol.9, pp. 29-44.

²³ Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Ed. by Barry Buzan, Amitav Acharya. Abington: Routledge, 2010. Pp.16-22.

корректируют западные теории, а также о соотношении западных теоретических моделей с национальными философскими и историческими традициям. К этой группе относятся исследования Оливера Уолтерса, который, исследуя логику межгосударственных отношений в доколониальной Юго-Восточной Азии, ввел в научный оборот понятие «государств-мандал», которые существовали на Индокитайском полуострове, не имели фиксированных границ (в отличие от Вестфальского типа государств-наций, возникших в XVII в. в Европе) и определялись по политическому центру, а не по их территориальному периметру²⁴. Экономический подъем Китая спровоцировал новую волну интереса к концепции традиционного типа отношений Китая с соседями, разработанной Дж. Фэрбэнком²⁵. Среди современных работ, развивающих эту концепцию применительно к международным отношениям в Восточной Азии, в частности, можно назвать исследования Дэвида Кэнга²⁶. Примером работ второго типа является монография профессора Тайваньского национального университета Ши Чиюя, объясняющая процесс самовосприятия Китаем своего положения в современном мире через определение точек соприкосновения между западными теориями международных отношений и такими традиционными китайскими учениями как легизм, даосизм и конфуцианство²⁷.

Во-вторых, предпринимаются попытки формирования теорий среднего уровня²⁸, к

которым можно отнести ряд исследовательских проектов, осуществляемых в азиатских университетах, в частности, проект разработки «Восточноазиатской теории международных отношений», реализуемый на базе Сеульского национального университета. В задачи проекта входит соотношение принципов западных теорий международных отношений, которые исследовательская команда проекта рассматривает как построенные на достаточной высокой степени упрощения, со сложными реалиями региона Восточной Азии и выработка новых концептуальных подходов, которые могли бы точнее объяснять логику международных процессов в регионе²⁹.

Перечисленные примеры, тем не менее, говорят о том, что современный этап поиска незападных теорий международных отношений в основном характеризуется попытками критического осмысления, адаптации и концептуальной корректировки западных теорий. В результате наука о международных отношениях, несмотря на все более глобальный характер ее предмета, пока что не приобрела универсальный характер, хотя призывы к ее интеллектуальной децентрализации, особенно в Азии, становятся все более активными.

Роль университетов и фабрик мысли в крупнейших странах Азии в развитии науки и высокотехнологичной сферы

Институционально еще одно направление является существенным для понимания того, как трансформируется роль Азии в производстве нового знания. Речь идет о процессе развития и интернационализации азиатских университетов, а также количественном и качественном росте азиатских фабрик мысли.

В 1980–1990е гг. задачи развития университетского образования были сформулированы в качестве национального приоритета в целом ряде стран Азии, в частности – Японии, Сингапуре, Южной

нарного направления как «мировое комплексное регионоведение».

²⁹ East Asian Relations Theory. Project's Web-site: http://www.eastasiainr.com/54532471965122953944495484406012643_intro.html

²⁴ Wolters, Oliver W. *History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspective*. Ithaca: Cornell University Press, 1999.

²⁵ *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. Ed. by John K. Fairbank. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1968.

²⁶ Kang, David. *China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia*. NY: Columbia University Press, 2007.

²⁷ Shi, Chih-yu. *Sinicizing International Relations: Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia*. NY: Palgrave Macmillan, 2013.

²⁸ В данном случае особо подчеркивается разработка именно новых концептуальных подходов (theoretical frameworks), а не «жестких» теорий (theory). В России к данному направлению относится развитие такого междисципли-

Корею, на Тайване, и чуть позднее, на рубеже веков, – в КНР. При том, что изначально повышение качества высшего образования было призвано повлечь за собой повышение уровня качества рабочей силы, упомянутые страны реализовали различные стратегии развития университетов.

Так, например, Сингапур, в силу объективных территориально-географических и экономических ограничений, концентрировался на подъеме двух ключевых университетов – Национального университета Сингапура и Наньянского технологического университета. Национальный университет Сингапура считается старейшим в стране, поскольку отсчитывает историю своего существования с 1905 г., когда был основан медицинский колледж, впоследствии вместе с колледжем Раффлз (специализация – социальные науки) вошедший в состав Университета Малайи. В 1962 г. сингапурское отделение Университета Малайи отделилось и получило название Университета Сингапура. Наньянский технологический университет был создан в 1991 г. (с 1981 по 1991 г. функционировал как институт) и за прошедшие десятилетия добился существенных успехов с точки зрения интернационализации своей деятельности и вклада в развитие национальной экономики. В настоящее время Национальный университет Сингапура и Наньянский технологический университет вошли в число лучших мировых университетов. В частности, по версии рейтинга QS за 2015/2016 гг. они заняли 12-е и 13-е места соответственно³⁰, по версии рейтинга «Таймс» – 26-е и 55-е³¹.

В начале этого века к двум названным сингапурским университетам добавился еще один – Сингапурский университет менеджмента. Целью его создания и активной поддержки было формирование более конкурентной среды в области высшего об-

разования в национальном масштабе. Сингапурский университет менеджмента был основан в 2000 г. как университет полного цикла, предлагающий бакалаврские, магистерские программы и программы уровня PhD в области бизнеса, менеджмента, экономики, права и социальных наук.

В Южной Корее в отличие от Сингапура акцент был сделан сразу же на всем секторе высшего образования и массовом подъеме уровня университетов через активное развитие исследований и интернационализацию высшего образования. В результате такой деятельности улучшение позиций корейских университетов в мировых рейтингах произошло буквально в период жизни одного поколения. В число лучших мировых университетов по версии рейтинга QS в 2015/2016 гг., например, вошли Сеульский национальный университет (36-е место), Пхоханский университет науки и технологий (87-е место), Университет Корё (104-е место), Университет Йонсей (105-е место)³².

В КНР в середине 1990-х гг. вслед за другими странами Восточной Азии началась реализация поэтапного плана создания исследовательских университетов и университетов мирового уровня. В 1995 г. правительством была поставлена задача доведения ста университетов до уровня лучших в стране с точки зрения их роли в социально-экономическом развитии КНР и участия в международном сотрудничестве. Этим университетам были выделены средства на развитие дисциплинарных и междисциплинарных программ и инфраструктуры кампусов.

Отдельный кластер высшего образования должны были составить еще 39 университетов. Предполагалось, что девять из них должны войти в топ мировых университетских рейтингов (Фуданьский университет, Харбинский политехнический университет, Нанкинский университет, Пекинский университет, Шанхайский университет Цзяо Тун, университет Цинхуа, Научно-технический университет Китая, Сианьский

³⁰ QS World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=+country=+faculty=+stars=false+search=>

³¹ Times World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2016/world-ranking#!/page/3/length/25>

³² QS World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=71+country=+faculty=+stars=false+search=>

университет Цзяо Тун и Чжэцзянский университет), а остальные тридцать – составить группу университетов с высоким уровнем преподавания и хорошей международной репутацией³³. В рейтингах 2015/2016 гг. перечисленные выше университеты заняли следующие позиции: университет Цинхуа (QS – 25, «Таймс» – 47), Пекинский университет (41; 42), Фуданьский университет (51, по рейтингу «Таймс» – в диапазоне 201-250), Шанхайский университет Цзяо Тун (Университет коммуникаций) (70; 301-350), Чжэцзянский университет (110; 251-300), Научно-технический университет Китая (113; 201-250), Нанкинский университет (130; 251-300), Харбинский политехнический университет (291; 501-600), Сианьский университет Цзяотун (331; 501-600)³⁴. При развитии и интернационализации этих университетов особое внимание уделялось стратегическому планированию, реформированию структуры управления, улучшению инфраструктуры кампуса и, конечно же, повышению качества образования и исследований, включая создание транспарентной интернационализированной системы отбора сотрудников на преподавательские позиции³⁵.

По мере экономического развития и демографического перехода в Восточной Азии изменения происходили не только в уровне качества университетского образования, но также в характере и функциях деятельности университетов. В настоящее время университеты в большинстве стран, добившихся экономического роста благодаря модели восточноазиатского экономического чуда (то

есть создания трудозатратных производств, ориентированных на экспорт) перестали выполнять только образовательные функции. В условиях снижения демографического прироста и структурной трансформации экономик этих стран в направлении создания более интенсивных и наукоемких производств университеты сейчас призваны становиться также исследовательскими центрами, связанными с производственным процессом³⁶ и нацеленным на то, чтобы сформировать в странах Азии экономику, основанную на знаниях³⁷.

Параллельно с развитием университетов в Азии на рубеже веков происходил активный рост фабрик мысли (в англоязычной терминологии – *think tanks*). Принято считать, что фабрики мысли выполняют целый ряд функций, в том числе обеспечивая взаимосвязь исследовательской и политической сфер, и тем самым отличаются от обычных аналитических центров или академических институтов. Во многих странах, в первую очередь в США и Западной Европе, фабрики мысли также играют роль посредников между правительством и обществом, идентифицируют, артикулируют и оценивают насущные проблемы и могут предлагать альтернативные пути их решения, трансформируют идеи и проблемы в вопросы политики, выполняют роль игрока с независимым мнением в политических дебатах, создают конструктивные формы обмена мнениями в процессе выработки политической линии³⁸.

По данным доклада Пенсильванского университета “*Global Go to Think Tank*

³³ Qing, Hui Wang. Building World-Class Universities in China: Shanghai Jiao Tong University / H. Qing, W. Qi, C. Nian / The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities. Ed. by P. Altbach, J. Salmi. Washington DC: The World Bank, 2011. Pp. 34-35.

³⁴ QS World University Rankings 2015-2016; Times World University Rankings 2015-2016.

³⁵ Qing, Hui Wang. Building World-Class Universities in China: Shanghai Jiao Tong University / H. Qing, W. Qi, C. Nian / The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities. Ed. by P. Altbach, J. Salmi. Washington DC: The World Bank, 2011. Pp. 42-52.

³⁶ Ho, Kong. The Universities' Place in East Asian Cities // *Asia Pacific Viewpoint*, 2014 (August), Vol.55, No.2, pp.156-168.

³⁷ Подробнее см., в частности: Лунев С.И. Развитие социально-политической мысли, высоких технологий и науки в крупнейших странах Азии / С.И. Лунев, Е.В. Колдунова. – М.: Academia, 2015. – С. 205-345 [Lunev S.I. Razvitiye sotsial'no-politicheskoi mysli, vysokikh tekhnologii i nauki v krupneishikh stranakh Azii (Development of Social and Political Theories, High Technologies and Science in the Biggest Asian States) / S.I. Lunev, E.V. Koldunova. Moscow: Academia, 2015. Pp. 205-345]

³⁸ Hayes, Peter. Think Tanks, 'Think Nets' and Their Evolution in Asia // *Global Asia*, 2015 (Spring), Vol.20, No.1, p. 87.

Report” в 2014 г. наибольшее число аналитических центров насчитывалось в Северной Америке (30% всех мозговых центров мира) и в Европе, включая Россию (27,5%)³⁹. При этом доля азиатских фабрик мысли составила 17% (1106) от общего их числа в мире (6618). За прошедшие годы наблюдался также их существенный количественный рост. Так, например, еще в 2008 г. в Азии существовало порядка 600 фабрик мысли (12%), а если рассматривать ситуацию в более широкой ретроспективе, то до 1960-х гг. в странах Азии практически не было собственных мозговых трестов и подобных научно-аналитических структур⁴⁰.

За прошедшие полвека в Азии сформировались целые группы фабрик мысли, различающиеся своей специализацией. В самом общем виде их можно объединить в несколько категорий. К первой относятся аналитические центры, обеспечивающие экспертизу промышленно-экономической деятельности (например, в составе крупных японских или южно-корейских корпораций). Ко второй – занимающиеся политическим анализом ситуации в стране базирования, проблемами безопасности и международных отношений (например, сеть институтов стратегических и международных исследований в странах Юго-Восточной Азии). В третью категорию можно объединить центры и институты, специализирующихся на вопросах развития гражданского общества⁴¹.

Однако во многих странах Азии фабрики мысли развиваются по иной траектории, нежели в Соединенных Штатах или Европе. Специфика их деятельности зачастую связана с особенностями социального устройства и характера политического режима. В ряде стран, таких как КНР или Вьетнам они выполняют скорее функции экспертно-аналитического обслуживания

государственных органов. Тем не менее, очевиден не только количественный рост фабрик мысли в странах Азии, но и их качественные трансформации, особенно в таких странах как Китай. Эти изменения проявляются в том, что азиатские фабрики мысли становятся все более активными игроками на политическом и экономическом поле, постоянно присутствуют в медийном пространстве своих стран и расширяют свою академическую деятельность⁴². Кроме того, расширяется сетевое взаимодействие азиатских фабрик мысли в рамках регионального сотрудничества и региональных интеграционных проектов. В частности, сетевое взаимодействие экспертных структур налажено в рамках АСЕАН и диалогового механизма АСЕАН+3.

Выводы

Представленный в статье анализ позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на то, что западоцентризм в производстве нового знания пока что не преодолен и доминирование в этой области позволяет западным странам сохранять лидирующие позиции в мировой системе, существуют тенденции диверсификации интеллектуального осмысления мировых процессов. Однако в основном они затрагивают культурно-философские и гуманитарные аспекты, поскольку у многих стран Азии есть возможность обратиться к собственным историческим и философским традициям и предложить альтернативные объяснения на этой основе. По-прежнему характеристикой многих таких объяснений является адаптация западного теоретического знания, а не генерирование собственных теорий.

Одновременно наметилась очевидная поляризация и дифференциация азиатских стран, выразившаяся в появлении группы стран, которые всячески стремятся сократить

³⁹ McGann, James G. 2014 Global Go to Think Tank Index Report. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2014. P. 53.

⁴⁰ Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры стран Азии: Справочник. – М.: РИСИ, 2013. – С.5, 7 [Komissina I.N. Nauchnye i analiticheskie tsentry stran Azii: Spravochnik (Scientific and Analytical Centers in Asia). Moscow: RISI, 2013. Pp.5, 7].

⁴¹ Ibid. С. 6, 8-12.

⁴² Подробнее о трансформации китайский фабрик мысли см., например: Abb, Pascal. China’s Foreign Policy Think Tanks: Changing Roles and Structural Conditions // German Institute of Global and Area Studies Working Paper No.213. January 2013. Mode of access: <https://giga.hamburg/en/publication/china%E2%80%99s-foreign-policy-think-tanks-changing-roles-and-structural-conditions>

разрыв с Западом в научной и образовательной сферах и, по-видимому, будут продолжать это делать и стран, где такие попытки не предпринимаются. Стремление преодолеть отмеченный разрыв в первой группе стран выражается, в частности, в активной и целенаправленной стратегии этих государств по развитию и интернационализации университетов не только как центров образования, но и как исследовательских кластеров для экономической системы в целом. Параллельно с развитием университетов в этих странах происходит рост фабрик мыслей, также формирующих конкурентное и интернационализированное исследовательское поле азиатских стран.

Литература:

Abb, Pascal. China's Foreign Policy Think Tanks: Changing Roles and Structural Conditions // *German Institute of Global and Area Studies Working Paper No.213*. January 2013. Mode of access: <https://giga.hamburg/en/publication/china%E2%80%99s-foreign-policy-think-tanks-changing-roles-and-structural-conditions>

Asia 2050: Realizing the Asian Century. Manila: Asian Development Bank, 2011.

Chen, Kuan-Hsing. Asia as a Method: Towards Deimperialization. Durham and London: Duke University Press, 2010.

East Asian Relations Theory. Project's Web-site: <http://www.eastasiair.com/54532471965122953944-495484406012643intro.html>

Ghosh S. Science and Practice: the Colonial Legacy of 'Improvement' in Indian Agricultural Knowledge. Paper presented for the international conference (IIAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands.

Hajnal, Peter. The G8 System and the G20: Evolution, Role and Documentation. Aldershot: Ashgate, 2007.

Hayes, Peter. Think Tanks, 'Think Nets' and Their Evolution in Asia // *Global Asia*, 2015, Vol.20, No.1, p.87.

Ho, Kong. The Universities' Place in East Asian Cities // *Asia Pacific Viewpoint*, 2014, Vol.55, No.2, Pp.156-168.

Ikeda, Josuke. The Post-Western Turn in International Theory and the English School // *Ritsumeikan Annual Review of International Studies*, 2010, Vol.9, pp. 29-44.

Kang, David. China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia. NY: Columbia University Press, 2007.

Karashima, Masato. American Philanthropy and Social Science in Early Cold War Japan. Paper presented for the international conference (IIAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands. P. 9.

Mahbubani, Kishore. Can Asians think? Singapore: Marshall Cavendish Editions, 2009. Pp. 22-39.

Mahbubani, Kishore. The Great Convergence: Asia, the West and the Logic of One World. N.Y.: Public Affairs, 2013.

McCann, James G. 2014 Global Go to Think Tank Index Report. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2014.

Nandy, Ashis. Defining a New Cosmopolitanism: Towards a Dialogue of Asian Civilizations. Mode of access:

http://vlal.boi.ucla.edu/multiversity/Nandy/Nandy_cosm.htm

Nobel Laureates and Country of Birth. The Official Web Site of the Nobel Prize. Mode of access: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/lists/countries.html

Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Ed. by Barry Buzan, Amitav Acharya. Abington: Routledge, 2010.

Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Pp. 16-22.

Noor, Farish A. What Your Teacher Didn't Tell You: the Annex Lectures. Petalang Jaya: Matahari Books, 2014. P. 74.

Qing, Hui Wang. Building World-Class Universities in China: Shanghai Jiao Tong University / H. Qing, W. Qi, C. Nian / The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities. Ed. by P. Altbach, J. Salmi. Washington DC: The World Bank, 2011.

QS World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region+=country+=faculty+=stars=false+search=>

Sen, Amartya. Universal Truths: Human Rights and the Westernizing Illusion // *Harvard International Review*, 1998, Vol. 20, No. 3, pp. 40-43.

Shambaugh, David. China Goes Global: The Partial Power. NY: Oxford University Press, 2013.

Shi, Chih-yu. Sinicizing International Relations: Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia. NY: Palgrave Macmillan, 2013.

Smith G. G7 to G8 to G20: Evolution in Global Governance // *CIGI G20 Papers*, 2011, No.6. Mode of access: <https://www.ciaonet.org/attachments/18458/uploads>

The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. Ed. by John K. Fairbank. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1968.

Times World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2016/world-ranking#!/page/3/length/25>

Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia / Eager Eyes Fixed on Eurasia: Russia and Its Eastern Edge. Ed. by A. Iwashita. 16-2, Sapporo: Slavic Research Center. Pp. 35-46.

Wang, Hui. The Politics of Imagining Asia: A Geneological Analysis // *Inter-Asia Cultural Studies*, 2007, Vol.8, No.1, pp.18, 27-28.

Why Asia is the New Europe // *The Washington Post*, October 5, 2015. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2015/10/05/why-asia-is-the-new-europe/>

Wolters, Oliver W. History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspective. Ithaca: Cornell Univeristy, 1999.

World University Rankings 2015-2016.

Карнов М.В. Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. – М.;Спб: Нестор-История, 2014.

Киссинджер Г. О Китае. – М.: Астрель, 2013.

Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры стран Азии: Справочник. – М.: РИСИ, 2013. – С.5, 7.

Лунев С.И. Развитие социально-политической мысли, высоких технологий и науки в крупнейших странах

Азии / С.И. Лунев, Е.В. Колдунова. – М.: Academia, 2015. – С. 205-345.

Практика зарубежного регионоведения. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. – С. 466-470.

Caud Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: Мирь, 2006.

Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Д. Пerratон. – М: Праксис, 2004. – С.309-312.

References:

Abb, Pascal. China's Foreign Policy Think Tanks: Changing Roles and Structural Conditions // German Institute of Global and Area Studies Working Paper No.213. January 2013. Mode of access: <https://giga.hamburg/en/publication/china%E2%80%99s-foreign-policy-think-tanks-changing-roles-and-structural-conditions>

Asia 2050: Realizing the Asian Century. Manila: Asian Development Bank, 2011.

Chen, Kuan-Hsing. Asia as a Method: Towards Deimperialization. Durham and London: Duke University Press, 2010.

East Asian Relations Theory. Project's Web-site: <http://www.eastasiainr.com/54532471965122953944-495484406012643intro.html>

Ghosh S. Science and Practice: the Colonial Legacy of 'Improvement' in Indian Agricultural Knowledge. Paper presented for the international conference (IIAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands.

Hajnal, Peter. The G8 System and the G20: Evolution, Role and Documentation. Aldershot: Ashgate, 2007.

Hayes, Peter. Think Tanks, 'Think Nets' and Their Evolution in Asia // Global Asia, 2015, Vol.20, No.1, p.87.

Held D. Global'nyetransformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura (Global Transformations: Politics, Economics, and Culture) / D. Held, D. Goldblatt, E. MacGrew, D. Perraton. Moscow: Praksis, 2004. Pp. 309-312.

Ho, Kong. The Universities' Place in East Asian Cities // Asia Pacific Viewpoint, 2014, Vol.55, No.2, Pp.156-168.

Ikeda, Josuke. The Post-Western Turn in International Theory and the English School // Ritsumeikan Annual Review of International Studies, 2010, Vol.9, pp. 29-44.

Kang, David. China Rising: Peace, Power, and Order in East Asia. NY: Columbia University Press, 2007.

Karashima, Masato. American Philanthropy and Social Science in Early Cold War Japan. Paper presented for the international conference (IIAS and ISEAS) Framing 'Asian Studies': 18-20 November 2013 in Leiden, the Netherlands. P. 9.

Karpov M.V. Zamknutyi krug «kitaiskogo chuda». Rynochnye preobrazovaniia i problema reformiruemosti partiinogo gosudarstva leninskogo tipa v Kitaiskoi Narodnoi Respublike (Vicious Circle of Chinese Miracle: Market Transformations and the Problem of Transforming Lenin-Style Party System in PRC). Moscow; St.Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014.

Kissinger, Henry. O Kitae (On China). Moscow: Astrel, 2013.

Komissina I.N. Nauchnye i analiticheskie tsentry stran Azii: Spravochnik (Scientific and Analytical Centers in Asia). Moscow: RISI, 2013. Pp. 5, 7.

Lunev S.I. Razvitiie sotsial'no-politicheskoi mysli, vysokikh tekhnologii i nauki v krupneishikh stranakh Azii (Development of Social and Political Theories, High Technologies and Science in the Biggest Asian States) / S.I. Lunev, E.V. Koldunova. Moscow: Academia, 2015. Pp. 205-345.

Mahbubani, Kishore. Can Asians think? Singapore: Marshall Cavendish Editions, 2009. Pp. 22-39.

Mahbubani, Kishore. The Great Convergence: Asia, the West and the Logic of One World. N.Y.: Public Affairs, 2013.

McGann, James G. 2014 Global Go to Think Tank Index Report. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2014.

Nandy, Ashis. Defining a New Cosmopolitanism: Towards a Dialogue of Asian Civilizations. Mode of access: http://vlab.bol.ucla.edu/multiversity/Nandy/Nandy_cosm.htm

Nobel Laureates and Country of Birth. The Official Web Site of the Nobel Prize. Mode of access: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/lists/countries.html

Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Ed. by Barry Buzan, Amitav Acharya. Abington: Routledge, 2010.

Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. Pp. 16-22.

Noor, Farish A. What Your Teacher Didn't Tell You: the Annex Lectures. Petalang Jaya: Matahari Books, 2014. P.74.

Praktika zarubezhnogo regionovedeniia (Practice of World Regional Studies). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magist: INFRA-M, 2015. Pp. 466-470.

Qing, Hui Wang. Building World-Class Universities in China: Shanghai Jiao Tong University / H. Qing, W. Qi, C. Nian / The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities. Ed. by P. Altbach, J. Salmi. Washington DC: The World Bank, 2011.

QS World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015#sorting=rank+region=+country=+faculty=+stars=false+search=>

Said E.V. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka (Orientalism. Western Conceptions of the Orient). St.Petersburg: Mir, 2006.

Sen, Amartya. Universal Truths: Human Rights and the Westernizing Illusion // Harvard International Review, 1998, Vol. 20, No. 3, pp. 40-43.

Shambaugh, David. China Goes Global: The Partial Power. NY: Oxford University Press, 2013.

Shi, Chih-yu. Sinicizing International Relations: Self, Civilization, and Intellectual Politics in Subaltern East Asia. NY: Palgrave Macmillan, 2013.

Smith G. G7 to G8 to G20: Evolution in Global Governance // CIGI G20 Papers, 2011, No.6. Mode of access: <https://www.ciaonet.org/attachments/18458/uploads>

The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations. Ed. by John K. Fairbank. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1968.

Times World University Rankings 2015-2016. Mode of access: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2016/world-ranking#!/page/3/length/25>

Voskressenski, Alexei D. The Rise of China and Russo-Chinese Relations in the New Global Politics of Eastern Asia / Eager Eyes Fixed on Eurasia: Russia and Its Eastern

Edge. Ed. by A. Iwashita. 16-2, Sapporo: Slavic Research Center. Pp. 35-46.

Wang, Hui. The Politics of Imagining Asia: A Geneological Analysis // *Inter-Asia Cultural Studies*, 2007, Vol.8, No.1, pp.18, 27-28.

Why Asia is the New Europe // *The Washington Post*, October 5, 2015. Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2015/10/05/why-asia-is-the-new-europe/>

Wolters, Oliver W. *History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspective*. Ithaca: Cornell Univeristy, 1999.

World University Rankings 2015-2016.

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-107-120](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-107-120)

ASIA AS A KNOWLEDGE PRODUCER IN THE WORLD

Ekaterina V. Koldunova

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">25 January 2016</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">10 May 2016</p>	<p>Abstract: For the past few years many IR scholars focused mainly on the question in what way the rise of Asia could influence the post-bipolar world order and world economic system. However with all due attention to the international economic and political transformations, which followed Asia's rise, IR studies paid little attention to the gap between rising economic and to some extent political role of Asia in the world system and still Western-dominated production of new technological and humanitarian knowledge. This article analyses in the comparative way three efforts to bridge this gap. The first one is an effort to build up an indigenous discourse about Asia. The second refers to the discussion about the possibilities to develop a non-Western IR theory. The third one is connected with the rise of Asian think tanks and universities.</p>
<p>About the author:</p> <p>Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department for Asian and African Studies, Deputy Dean of the School of Political Affairs, Senior Expert of ASEAN Centre, MGIMO University</p> <p>e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru</p>	<p>Key words:</p> <p>Asia's rise; Science; Universities; think tanks; high technologies; IR theory.</p>
	<p><i>Acknowledgements: The article was prepared with grant support from the Russian Humanitarian Science Foundation: 15-03-00438</i></p>

Для цитирования: Колдунова Е.В. Субъектность и объектность Азии в мировых процессах производства нового знания // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 107-120.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-107-120

For citation: Koldunova, Ekaterina V. Sub'ektnost' i ob'ektnost' Azii v mirovykh protsessakh proizvodstva novogo znaniia (Asia: Whither a Knowledge Producer in the World?) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No. 3, pp. 107-120.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-107-120